

С.Г. Кордонский, Ю.М. Плюснин, О.М. Моргунова

ОБУЧЕНИЕ НАБЛЮДЕНИЕМ:

СТУДЕНТЫ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация

Представлено обоснование новой образовательной технологии в области государственного и муниципального управления, основанной на методологии непосредственного наблюдения и описания местных управленческих практик студентами, систематически не подготовленными к научной деятельности (методология «наивного» наблюдателя). Использование такого подхода позволяет решать, по мнению авторов, одновременно две задачи: учебно-методическую и научную. Студенты ведут наблюдения и делают описания фактов российской провинциальной жизни без какой-либо интерпретации, что позволяет приобрести компетенции практического муниципального управления и получить картину социальной жизни, близкую к реальности и отличную от интерпретационных схем социологов и журналистов, на основе которых власть обычно и принимает управленческие решения и разрабатывает проекты социальных преобразований.

Ключевые слова: новые образовательные технологии, методология, полевое исследование, наблюдение, интерпретация, социальный факт.

1.

Важнейшими целями государственного управления (да и местного тоже) являются две дополнительные, но противоположные по задачам и методам: создание условий и поддержание стабильности существующего общественного устройства, а, с другой стороны, *конструирование* социальной реальности, социальное проектирование, выражающееся в разработке и реализации «программ социально-экономического развития».

Консервативная, по существу, первая задача администрирования не требует научного анализа объекта управления, поскольку допускает неизменность состава и структуры общественных институтов. Власть, исполняющая административно-полицейские функции, не замечает и не может замечать изменений в общественной жизни, даже если они катастрофически быстрые. Но власть, занятая социальным проектированием — а это одно из базовых условий функционирования современного социального государства, —

стремящаяся вести общество к такому «светлому будущему», которое по определению всегда имеет совсем иные очертания, чем общество, подлежащее реформированию, вынуждена строить эти светлые ориентиры на базе конкретного знания о конкретном обществе. Научное социальное знание является необходимым условием успешности социального государства.

Какое же научное знание в этом случае требуется институту управления? На какой фактуре строится само научное социальное знание? Здесь имеют место и нечеткие суждения, и полярные точки зрения. Спектр суждений варьирует от признания за достоверное эмпирическое знание импортированных западноевропейских теоретических схем до почвенных теорий управления, выращенных из знания обыденного. В нынешние времена преобладает тяга к переносу импортных схем на российскую проектную пашню. И предполагается, что она должна быть засеяна новым сортовым зерном, которое победит плевела, доселе произрастающие на российской ниве. Полагается также считать, что все предшествующее есть плевела. Откуда же берется такое убеждение? На каком знании оно основано? Почему такое знание считается достоверным и научным, но при этом не допускается и мысль о его фальсифицируемости?

Причину мы видим в распространенном сейчас способе получения знаний о нашем обществе и представлениях о достоверности такого знания. И чиновники, и ученые-обществоведы рассматривают публикации в разного рода СМИ, в том числе и в Интернете, как достоверные описания современной реальности. Но ведь журналисты и блогеры пишут каждый о своем, и так, чтобы их тексты были понятны читателям. Они формируют общественное мнение — в полном соответствии со своей социальной функцией — теми методами, которые специфичны для второй древнейшей профессии. За редчайшими исключениями, им принципиально чуждо неакцентированное и беспристрастное описание того, чему свидетелями они были или о чем слышали. Поэтому малопродуктивно использование СМИ как источника достоверной информации о том, как страна устроена и что в ней происходит.

Другой путь получения информации — опросы общественного мнения. Однако люди, находящиеся в поле влияния средств массовой информации, волей-неволей говорят и даже думают на их языке, транслируя придуманные журналистами (а теперь и блогерами) образы и схемы интерпретации всего на свете, в том числе и собственной жизни. Так что опросы в лучшем случае дают информацию о том, в поле влияния каких СМИ находятся респонденты. Серьезно считать, что проценты разнообразных мнений есть арифметика независимых событий (пресловутая репрезентативность выборки), сейчас может только исследователь, сумевший сохранить верность методологическим принципам Конта.

Самый, может быть, важный источник сведений о том, что есть и что происходит в стране, — данные статистики. Но первое, с чем сталкивается наблюдатель при попытке описать местную жизнь, — это практическое отсутствие действительно статистической информации. Федерального закона о муниципальной статистике до сих пор нет, ресурсов для организации статистики в муниципальных бюджетах не предусмотрено, а государственная статистика фиксирует только отдельные феномены местной жизни, да и то по преимуществу в крупных городских округах. Данные муниципальной статистики формируются произвольно, в зависимости от требований государственных органов и весьма прихотливых потребностей муниципальных властей. Мы неоднократно имели возможность зафиксировать, каким образом появляется та или иная статистическая (учетная) информация: количественные показатели возникают буквально из ничего, т. е. из срочной необходимости «отписаться» по властному запросу либо продемонстрировать постоянный «рост показателей», которого требует региональная власть¹. И это при повсеместном отсутствии статистической базы, утвержденных методик учета и сбора информации. Поэтому даже данные о количестве населения в муниципалитетах сугубо приблизительны, так как дачники, отходники и мигранты органами статистики практически не учитываются, хотя их доли в постоянном (учтенном) населении нередко составляют 30–50% и, бывает, даже превосходят численность населения в 2–5 раз. Столь же «качественны» данные об экономике муниципальной жизни, социальной структуре населения и о структуре потребления².

Еще один источник информации — интервьюирование. Однако и оно в наших условиях требует проверки наблюдением. Учитель может с апломбом и, вероятно, совершенно искренне уверять, что в школе нет наркоманов, и это притом что в соседнем палисаднике лежит кучка использованных шприцев. Врач местной больницы может жаловаться на рост заболеваемости, хотя этот рост является прямым следствием манипуляций со статистикой обращений³ и, что важнее, следствием гипердиагностики в силу вынужденного

---

¹ Оттого-то в городке с 12 тысячами жителей посещаемость единственной библиотеки со скудным набором книг, в большинстве своем еще советской комплектации, может составлять 60 тысяч в год, тогда как наблюдения в читальном зале показывают, что там и два человека в день редкость. Но когда клерк из администрации области шлет к концу рабочего дня гневный факс с требованием прислать такие-то данные к обеду того же дня, у клерка в муниципальной администрации нет иного выхода, как соврать и тотчас послать требуемое. Далее из этих чисел складываются точные — с сотыми долями процента! — цифры показателей социально-экономического развития региона и страны.

² Например, социологи до сих пор ничего не знают о содержании долговых книг, которые имеются в каждом магазине, ларьке или киоске провинциального городка, в любом селе, в любой деревушке. Содержание этих книг может дать представление о реальном, а не придуманном бюджете $\frac{3}{4}$ семей нашей страны — это более 40 миллионов семей, причем ведется этот бюджет уже долгие десятилетия, и ни революции, ни перестройки, ни «тучные годы» не останавливают скрупулезный ежедневный учет расходов и доходов буквально каждой семьи. Однако до сих пор ни один социолог не смог получить, проанализировать и опубликовать эти бюджеты.

³ К примеру, в городке Ч., по данным муниципального отчета, каждый житель, от младенца до лежачего

стремления обосновать сохранение штатной численности медицинского персонала. Муниципальный чиновник может говорить о полном выполнении социальных обязательств, притом что в селе не действуют водопровод и канализация, валяются кучи мусора, а пришлые владельцы земли фактически отрезали жителям доступ к выпасам.

Многомиллионный корпус российских чиновников формирует программы модернизации и принимает заведомо нереализуемые решения, стремясь сделать страну такой же, как некая идеальная «заграница». Эти чиновники обычно хорошо знают, что происходит в сфере их компетенции в других странах, и ориентированы на то, чтобы и у нас в стране стало так же, как в США, Германии, Бразилии или Бельгии. Однако о собственной стране они в основном знают, что в ней «все плохо», причем настолько, что нет никакого резона это «все» изучать, а усилия надо направить на модернизацию, реформирование, борьбу с коррупцией и пр.

Относительно должного образа страны согласия нет. Более того, именно должный образ является предметом политических споров и публицистических обсуждений, в которых представлены самые разные позиции. При этом совершенно по гоголевской логике оказывается, что в этом идеальном образе страны сочетаются все хорошие — по мнению спорщиков — институты других государств. Ограничения, связанные с наличным устройством и функционированием страны, если и попадают в поле внимания диспутантов, то только как стигматы плохого прошлого. Мало кого интересует наличная реальность, так как она считается заведомо неадекватной образу светлого будущего и обречена на исчезновение в ходе реформирования. Но возможно ли вообще социальное проектирование на основе фантомных образов? В результате получим столь же фантомный проект нового общества.

2.

Если мы признаем именно таковым нынешнее положение дел, то должны искать и предлагать ответы на всегдашний вопрос «что делать?». Нам представляется, что ответ рядом и довольно прост. Это *непосредственное* обращение к реальности и *искреннее* ее описание. Что предполагает *наивное* ее наблюдение.

Как отмечал еще Б. Малиновский, выдвигая и обсуждая научные основы теории культуры, антропологические и культурологические описания являются необходимым основанием для аналитических и теоретических исследований и должны предшествовать им (Малиновский, 2005). Именно этот принцип положен в основу нашей исследовательской методологии. Наблюдение и его результаты — описания,

---

старика, посещает поликлинику 30 раз в году, один раз в две-три недели уж обязательно. Читателю нетрудно будет догадаться, что отвечают нам горожане на вопрос о чрезвычайной болезненности

допонятийные, с одной стороны, и постпонятийные, с другой, — есть, с нашей точки зрения, именно то, что социальная наука может и обязана давать управлению. Чтобы их получить, необходимы либо профессиональные наблюдатели, не только усвоившие современные им теории, но и владеющие эпистемологией и рефлектирующие границы применения теорий, либо наивные наблюдатели, вообще не отягощенные доминирующими над ними интерпретационными схемами. Для ясного и непредвзятого описания нечуждых общественных явлений, обыденно знакомых фактов одинаково подходят и те и другие⁴. Различия лежат в интерпретационных подходах и предпочтениях, уровне критичности, даже в способности различения описания и объяснения. Главное различие между профессиональным и наивным наблюдателем заключается в том, что первый прошел весь путь научного познания, освоил и апробировал все его этапы, а второй имеет возможность видеть и осваивать лишь «узкий створ» в технологиях производства научного знания⁵.

Если ограничения, определяемые технологией исследования, зафиксированы, то опытным наблюдателям, отягощенным грузом теоретических схем, возможно, стоит предпочесть наивных. Вот только их надобно где-то найти. Кажется очевидным, что рекрутироваться они должны из числа студентов вуза. Однако здесь возникают специфические трудности.

Существующее содержание обучения, при котором студентов (магистрантов, аспирантов) индоктринируют теоретическими построениями (в основном импортированными) с целью сделать из них строителей очередного светлого будущего, приводит к тому, что подготовленный вузом дипломированный специалист-управленец большую часть приобретенных знаний вынужден просто забыть ввиду их неадекватности управленческой практике.

Отечественные предприниматели, в свое время пытавшиеся для своих бизнесов подготовить менеджеров «в лучших университетах мира», столкнулись с тем, что некоторые вполне разумные студенты, успешно окончившие обучение за границей и

жителей этого городка.

⁴ Яркими, на наш взгляд, примерами выступают, с одной стороны, исследования профессионала-социолога Натальи Козловой, осуществившей колоссальную работу по описанию и научному анализу «сцен» обыденной жизни в советском обществе (Козлова, 2005) и исследования городской жизни В. Глазычева, привлечшего для полевых заметок профессионально неподготовленных студентов (Глазычев, 2002).

⁵ Здесь хороша, кажется, аналогия с обучением плаванию методом бросания в реку: учитель давно научен плаванию и знает, как плавать, к тому же умеет разложить процесс плавания на операции и научить их последовательному применению. Бросив ученика в воду, он руководит его барахтаньем, предлагая двинуть то рукой, то ногой, то воздуха вовремя глотнуть; кроме того, он предвидит, что будет дальше, если ученик захлебнется или станет правильно размахивать конечностями. Задача ученика, который в этом процессе включен лишь в очень частный, узкий его сегмент и видит не далее того, что его непосредственно окружает, — двигаться сообразно крикам с берега и собственным способностям. У кого-то получится сразу грести, кто-то потонет. Акцент на этот узкий сегмент в долгой процедуре обучения плаванию (потому что она включает и предшествующий процесс обучения тренера и последующее оттачивание техники плавания учеником) и заставляет нас назвать такую методологию

получившие дипломы МВА, оказались совершенно не способны работать в России. С упорством, достойным иного применения, они — всегда неудачно — пытались реализовать усвоенные ими в ходе обучения стереотипы лучших западных практик управления. Посему их стали называть «дятлами».

Однако для того чтобы начать *считать*, необходимо научиться различать единицы счета и, соответственно, разные системы исчислений. Основное обучение построено так, как будто бы существует, образно говоря, только один класс чисел — комплексные, в то время как знание о натуральном ряде считается само собой разумеющимся и несущественным.

Для того чтобы *теоретизировать*, исследователь должен знать, *как* это делать, т.е. иметь представление о научном познании как процессе и о теории научного знания. Но в университетах гносеологии учат на первом курсе и так, что на всю жизнь отбивают всякий интерес к философии. А в качестве научных теорий предлагают вороха скороспелых, непродуманных концепций⁶, «объясняющих» неизвестно что и непонятно как, — когда-то они случайно попали в учебник (лучше в заграничный) и теперь кочуют из одного в другой.

Для того чтобы уметь *моделировать*, нужно овладеть не только методологией научного знания, но и методологией социального преобразования. Однако на управленческих факультетах бакалаврские и магистерские диссертации лишь по названию являются проектными работами, а по факту в подавляющем большинстве представляют собой простые рефераты. На летних социологических школах — в тех нечастых случаях, когда они проводятся на территории страны, — сталкиваешься с любопытным феноменом, который шокировал бы любого думающего исследователя, осознай он его: студенты и аспиранты, впервые вывезенные для наблюдения и описания местной жизни, больше всего озабочены тем, как и в каких схемах интерпретировать обнаруженные ими чудеса аборигенной жизни. Подобно европейским антропологам XVIII и XIX в., молодые социологи XXI в. интерпретируют чуждые их смысловым полям феномены отечественной жизни в понятиях, усвоенных из западных учебников⁷.

В достаточной мере осознавая отмеченные проблемы, мы по-своему подходим к процессу обучения студентов исследовательским техникам в области социологии и управленческим

методологией наивного наблюдения.

⁶ Нередко даже преподаватели и молодые исследователи — что уж говорить о студентах — не знают и не могут определить различия между теориями, концепциями и гипотезами, а ведь это одна из основ научной деятельности.

⁷ Как откровенно выразилась одна студентка магистратуры, обучавшаяся на факультете политологии ГУ-ВШЭ и принимавшая участие в наших поездках, «гораздо проще писать диссертацию, отреферировав западную литературу по теме — там все разжевано и ясно изложено; а собранный мной эмпирический материал никак не ложится в текст, поэтому его лучше бы выбросить».

компетенциям. Основой является обучение в процессе научного поиска, «наивное» по технике описания и перипатетическое⁸ по форме. Преподавателями кафедры местного самоуправления факультета государственного и муниципального управления ГУ-ВШЭ и образованной на ее базе в 2006 г. проектно-учебной (до 2010 г. — научно-учебной) лаборатории муниципального управления начата работа по развитию новых форм обучения будущих управленцев и муниципальных служащих. В рамках работы самой лаборатории муниципального управления описательные исследования такого рода проводятся последние четыре года. В них в качестве «наивных» наблюдателей принимают участие студенты специалитета и магистратуры факультета государственного и муниципального управления ГУ-ВШЭ.

Используя возможности финансирования поездок по стране целых учебных групп из бюджета лаборатории, на гранты президента РФ и фонда «Хамовники», мы стали читать наши учебные курсы на выезде в городах⁹, где одновременно изучали организацию местного управления и обучали студентов техникам и методикам описания феноменов муниципальной жизни и местного самоуправления. В ходе этих поездок по стране участники обучались проводить исследования на основе «наивного» описания того, что можно было — в силу ограниченности ресурсов и времени — наблюдать. В поездках участвовали также студенты других кафедр нашего и социологического факультетов ГУ-ВШЭ.

Во время таких «прогулок» мы пытаемся показать студентам то, с чем они встретятся в управленческой практике, т. е. учим их видеть элементы «натурального ряда» муниципальной жизни. Мы априори считаем участников нашего проекта наивными наблюдателями¹⁰ и пытаемся научить их фиксировать феномены муниципальной жизни в обыденном языке, а в последующем сформировать у них привычку к рефлексии наблюдений и стремление к выработке собственных, а не заимствованных теоретических интерпретаций. Естественно, что в ходе реализации проекта мы не пренебрегаем любой информацией, в том числе данными опросов, материалами СМИ, статистикой, которую удается получить, и даже теориями, фиксирующими и интерпретирующими феномены, похожие на те, которые выявились в поездках.

---

⁸ от греческого *Περιπατητικός* — «странник»; мы заимствовали технологию знаменитой школы перипатетиков Аристотеля, «прогуливаясь» со студентами во время лекций не в университетских рощах, а по улочкам провинциальных городков.

⁹ Предварительно студенты прослушивали вводные лекции в рамках курсов «Административные рынки», «Феноменология муниципальных образований» (проф. С.Г. Кордонский), «Самоорганизация местных обществ» (проф. Ю.М. Плюснин) и «Городские общественные движения» (проф. Е.С. Шомина).

¹⁰ Хотя очевидно, что молодые люди располагают и неким для них априорным знанием, а также условно-теоретическим знанием, полученным в школе и университете; на основе таких теоретических базисов они и воспринимают новую для них реальность и делают попытки ее интерпретации. Нам же важен запрет на любую интерпретацию при *изложении* наблюдаемого, хотя каждый готов таковую предложить.

За четыре года полевых работ проведены 38 экспедиционных поездок в 70 городов 25 регионов в шести федеральных округах. Наблюдения велись (с учетом повторных поездок) в 108 муниципалитетах, где взято несколько сотен интервью, собрано большое количество разного рода статистических данных. В поездках принимали участие более 120 студентов специалитета и магистратуры. Были экспедиции, состоявшие из двух-трех человек, были и весьма многочисленные — до 15 человек. В одном полевом исследовании даже принимали участие 34 человека. Некоторые студенты участвовали в поездках по одному разу, многие по два-три раза, но есть и такие, кто провел с нами уже десяток экспедиций. Каждый студент после каждой поездки писал отчет о своих наблюдениях. «Сырые» результаты работы в настоящее время размещены на сайте лаборатории муниципального управления ГУ-ВШЭ¹¹.

3.

Как осуществляется подготовка к полю и работа в поле? Здесь мы основываемся на методологии, *ортогональной* «генеральной линии» современной «анкетной» социологии. В ее развитии участвуют немногие исследователи¹², в том числе и мы (Кордонский, 2002; Плюснин, 2007). На первый взгляд это принципы методологии, сходные с принципами «построения» и интерпретации социального знания, изложенными А. Щюцем (Щюц, 1994. С. 55–60, 61, 63). Мы придерживаемся мнения, что методология «наивного» наблюдения вырастает из расширительно понимаемого метода Гете — восхождения от абстрактного к конкретному, — где она занимает узкую зону эмпирического описания, представляющего собой элемент конкретного знания, базирующегося на абстрактной теории. Узкую еще и потому, что субъектами выступают исследователи, не ведающие обо всех остальных составляющих этой методологии (для более подробного изложения и анализа этих процедур предлагаем обратиться к специальной публикации (Кордонский, 2001)).

В начале поездки участники проекта получают общий инструктаж, включающий характеристики муниципалитета и его руководителей (полученные в результате рутинного информационного поиска), информацию о демографической структуре и занятиях населения. Важным является инструктаж о правилах поведения наблюдателей. Обычно в конце рабочего дня проводится семинар, на котором участники проекта обмениваются впечатлениями об увиденном, получают необходимые разъяснения (но не

---

¹¹ Адрес сайта: <http://lmu.hse.ru/> Подробная информация об исследованиях 2008–2009 гг. представлена в коллективной монографии (Плуснин, Кордонский, Скалон, 2009).

¹² Например, это теоретико-методологические разработки Т. Шанина (1999), Е.М. Ковалева, И.Е. Штейнберга (1999). Существенные идеи по социальной эпистемологии изложены в давно переведенной работе П. Бергера и Т. Лукмана (1995).

интерпретации увиденного) от преподавателей и инструкции по объектам наблюдений на следующий рабочий день. Во время полевой работы мы изучаем не только феномены муниципальной жизни, но и самих участников проекта, отношение которых к предметам описания меняется по мере освобождения от общераспространенных стереотипов.

В зависимости от задачи конкретной экспедиции объектами наблюдений могут выступать и органы местного самоуправления в их рутинной деятельности, и базары с рынками как места общественной активности, и библиотеки, и магазины, и аптеки, и фельдшерские пункты, и посиделки пенсионеров, и кладбища, и городские свалки, и ночные клубы.

Обычно студенты не получают конкретного задания на конкретном объекте, а сами *находят* его, имея задачу, сформулированную намеренно неопределенно. Например: как выполняет местная власть обязательства по обеспечению населения топливом? Или: какие второстепенные функции выполняет местный рынок? В общем, в ходе проекта нами опробуются на студентах разные методики получения информации, в частности:

— студенты получают обычные социологические анкеты с инструкцией, что главное для них не заполнение анкет, а фиксация реакций опрашиваемых на вопросы и на самих анкетеров;

— студенты получают целевое задание на интервьюирование определенных категорий жителей — государственных и муниципальных служащих, представителей системы образования, здравоохранения, культуры, предпринимателей, пенсионеров и др. — с задачей получить максимально детализированные и точные по формулировкам ответы по заданной проблематике;

— студенты получают задание по типу «пойти туда, не знаю куда, и принести то, не знаю что». Это, кстати, самое трудное, например: найди в городе общественный туалет и попробуй определить, что это такое на самом деле.

Во время поездки все участники проекта должны вести полевой дневник, особенным требованием к которому является полное избегание каких-либо интерпретаций наблюденного. Мы требуем исключительно констатации увиденного и услышанного. По результатам поездки уже в лаборатории студенты пишут «наивные» и аналитические отчеты. Отчеты докладываются на заседаниях лаборатории, где во время обсуждений допускаются интерпретации увиденного и услышанного, материалы наблюдений становятся фактами, которые могут являться обоснованием для одних теоретических конструкций или аргументами для отклонения других.

По нашим наблюдениям, студенты в поездках придерживаются одной из трех основных стратегий поведения, причем выбор стратегии обусловлен познавательной мотивацией и способностью к исследовательской работе; в соответствии с этими критериями студентов

можно разделить на три психологически различающиеся группы.

«Иммунные» — студенты, которым неинтересно то, что они наблюдают в ходе поездок. Они, скорее, отбывают учебную повинность, вытесняя из сознания то, что видят. Они не склонны к рефлексии. Естественно, что как научная мотивация, так и способность к научному творчеству у них невелика. Такие студенты обычно участвуют не более чем в одной поездке. Их отчеты, как устные, так и письменные, поверхностны и бессодержательны.

«Рецептивные» — студенты, у которых в ходе поездок происходит изменение картины мира и начинается выработка собственных мировоззренческих ориентиров. Такие студенты участвуют в нескольких поездках, активно ведут себя на занятиях, задают вопросы и формулируют свои гипотезы относительно наблюдаемого. В их отчетах прослеживается стремление к пониманию увиденного, однако понятийных средств для этого они не имеют. При определенной обработке из них выходят понимающие исследователи.

«Вакцинированные» — студенты, которые уже имеют некоторый социальный опыт, в том числе и предпринимательский (но не опыт научных исследований), что обуславливает хорошее развитие житейских стереотипов. В ходе поездок и семинаров они формируют и «дорабатывают» свой понятийный аппарат, необходимый, с их точки зрения, для выстраивания карьеры. Знания и впечатления, получаемые ими в ходе поездок, носят в первую очередь инструментальный характер, они их не рассматривают как научные знания. Собственно исследовательский интерес они проявляют обычно в малой степени, фиксируясь на тех социальных техниках, которые, как им кажется, привели к успеху (или неудаче) людей, с которыми они встречались в ходе поездок.

Для студентов первой группы оказался наиболее эффективным вариант анкетирования, одноразовой формализованной встречи с респондентом. Для студентов второй группы — вариант интервьюирования; анализ проведенных интервью провоцирует у них рефлексивную деятельность, что является необходимым условием успешной научной деятельности. Для третьей группы наилучшим образом подошел вариант с неопределенными начальными условиями, способствующими кристаллизации складывающейся понятийной схемы.

В первой (для студента-участника) поездке многие испытывают стресс и когнитивный диссонанс, иногда на уровне жесткой аффективной реакции. Главная причина — внезапно возникающее противоречие между образами и представлениями о стране, усвоенными через СМИ и казавшимися им истинными, и реальностью российской жизни, в которую пришлось внезапно погрузиться. Но если у студентов первой группы стресс

манифестирует в виде неприятия непривычных (и потому неприемлемых) бытовых условий, то студенты второй и третьей групп переживают стресс адекватно его природе: они связывают его в большей степени с ломкой картины мира и осознанием того, что понятийный и аксиологический аппарат, который они по привычке используют, оказывается неадекватным тому, что они наблюдают.

Огромной и, в общем, нерешаемой проблемой для студентов оказывается перевод результатов наблюдений в текст. Даже «наивные» отчеты, главное требование к которым — *ничего не интерпретировать*, представляют для студентов большие трудности, не говоря уже об отчетах аналитических. Студенты, весьма раскованные и грамотные в устном рассказе, способные осознать и понять увиденное, оказываются неспособными оформить свои впечатления и наблюдения в текст. С нашей точки зрения, тут могут быть выделены две группы причин.

Во-первых, испытываемые студентами трудности связаны с тем, что молодые люди являются носителями сразу многих непересекающихся культур: культуры официальной с ее казенным языком, в том числе и языком тех теорий, которые они изучают в университете, культуры городской (в большинстве своем) бытовой среды, культуры интернет-общения и др. Однако ни на одном из языков этих культур нельзя описать результаты наблюдений бытования российской провинции. Необходимость объективировать наблюдения требует освоения нового языка, чуждого, но объемлющего языки, привычные студенту. По сути, он должен освоить язык научного этнографического (культурно-антропологического) описания, применив его для описания реальностей родного ему общества как реальностей общества чужого. Что, естественно, вызывает очень значительные трудности и для немалой части участников проекта становится непреодолимым препятствием. Правда, надо заметить, что такой стресс бывает непреодолим и для многих профессиональных ученых.

Другая группа причин возникающих затруднений — профессиональная мотивация студентов. В отличие, например, от студентов-социологов, цель будущей профессиональной деятельности студентов факультета государственного и муниципального управления — не научная или хотя бы аналитическая деятельность, а управление. Исходно заданная и еще более затвердевшая за три предшествующих года обучения (обычно студенты приходят в лабораторию на четвертом году обучения), такая профессиональная мотивация крайне трудно поддается изменению или корректировке: даже резонные аргументы, что хорошим управленцем невозможно быть без приобретения аналитических компетенций, обычно оказываются запоздалыми.

Совокупность этих, а также формальных причин сильно затрудняет реализацию нашего

проекта. Обучение в университете до сих пор не предполагает использования иных форм, помимо аудиторных занятий и производственных практик, весьма формальных по содержанию. Хотя в классических университетах существуют институты научных экспедиций и маршрутной практики, в рамках которых предусмотрены поездки студентов, в том числе и с исследовательскими целями, в ГУ-ВШЭ за пять лет нам не удалось убедить администрацию в необходимости обогащения форм обучения такими полевыми учебными исследованиями.

4.

Используя методологию «наивного» наблюдения, мы решаем одновременно две разные задачи: учебно-методическую и научную. Что касается обучения, нами предложена новая методология освоения знания и профессиональных компетенций в сфере местного управления; осуществлена ее апробация в течение нескольких учебных периодов; получены существенные учебные результаты. Решение научной задачи состоит в том, что на основе этой методологии ведется подготовка из студентов-старшекурсников исследователей, способных не только к аналитической, но и к научной деятельности.

Основными составляющими методологии «наивного» наблюдения являются: вводные (установочные) лекции в аудитории, методические, коллекторские и аналитические семинары на всех этапах подготовки, полевое исследование в муниципалитете, во время которого осваивается метод «наивного» наблюдения и одновременно студенты участвуют в качестве наблюдателей в работе органов исполнительной и представительной власти, осваивая практику муниципального управления.

Студенты-старшекурсники слушают лекции преподавателей кафедры, вводящие их в проблематику муниципального управления. Особенностью этих лекций является не изложение учебных материалов (все студенты адресуются к стандартным университетским учебникам для самостоятельной работы с ними, и мы не тратим время на изложение того, что они могут прочитать сами), а обзор реального многообразия проблем, стоящих перед местной властью и местным обществом — от хозяйственно-экономических до политико-идеологических. В этом смысле вводные занятия содержательно являются научными семинарами для молодых ученых, а не учебными семинарами для студентов; естественно, что они адаптированы к уровню понимания студентов. Они проводятся в форме общей дискуссии.

Во время этих лекций-дискуссий происходит естественная сегрегация студентов на заинтересованных и «отвальных». При этом в группе заинтересованных студенты со временем также начинают разделяться по характеру мотивации: часть из них нацелена на исследовательскую деятельность, другие участвуют в работе преимущественно по

учебным мотивам, которые так и остаются доминирующими. Нашу задачу на вводном этапе мы видим как раз в том, чтобы увеличивать долю исследовательски-мотивированных студентов за счет учебно-мотивированных. «Отвальные» студенты, несмотря на их непригодность к исследованиям, обычно тоже ездят в экспедиции в составе всей группы. Позитивный смысл их участия в полевой работе состоит в том, что они представляют собой хороший «цементирующий материал» для группы и нередко незаменимы для выполнения множества рутинных дел по обустройству поездки и экспедиционного быта.

Студенты во время поездки в муниципалитет и после нее участвуют в трех видах семинаров. На методических семинарах обсуждаются методики исследований (наблюдений, анкетного опроса и интервьюирования), техника работы с людьми и наблюдательные техники, исследовательские процедуры. Такой семинар, в общем, ничем не отличается от аналогичных семинаров ученых, выезжающих на полевое исследование. Особенность лишь в том, что семинар начинается не до, а в момент погружения студента в объект своего наблюдения: студент должен сначала захлебнуться, окунувшись в новую и незнакомую ему жизнь, и тут же начать пробовать учиться плавать. Обычно же «уроки плавания» для молодых ученых проходят в «сухой» лаборатории. На этих семинарах мы не предлагаем студентам готовых рецептов техник наблюдения, а ожидаем от них самостоятельного прихода к пониманию валидности и применимости той или иной техники. Как правило, это требует терпения. Для «отвальных» студентов участие в таких семинарах тягостно. Число методических семинаров зависит исключительно от скорости, с которой наиболее сильные студенты сумеют осознать и усвоить техники наблюдения. Не всегда удается этого достичь в течение одной недельной экспедиции или практики.

Начиная со второго-третьего дня поездки по вечерам после окончания работы ежедневно проводятся рабочие семинары. Их цель сугубо коллекторская: накопление и первичная систематизация полевого материала. Задачи рабочих семинаров: обмен впечатлениями и наблюдениями, полученными в течение дня, уточнение валидности отдельных феноменов, типичности, обычности или необычности, случайности их. Студенты сопоставляют свои наблюдения, составляется план походов на объекты на следующий день — как для уточнения сделанного наблюдения, так и для проверки феномена, вызвавшего интерес. Во всех случаях на этих семинарах запрещено интерпретировать увиденное, давать оценки событиям, людям, их высказываниям. На семинаре идет простое накопление фактов наблюдений (феноменов) и их первичная систематизация по «естественным» параметрам обычности, уникальности, типичности, распространенности и т.п. Таким образом у студентов начинает формироваться представление о многообразном и многоэтажном поле

социальной жизни, которое они нащупывают, используя приемы, освоенные на методических семинарах.

Аналитические семинары проходят после окончания экспедиции, обычно через две-три недели, когда студенты уже изготовят и сдадут преподавателям свои «наивные» и аналитические отчеты. В семинаре работают все студенты (с оговоренными выше ограничениями, обусловленными уровнем понимания и участия в работе), и здесь они могут дать волю фантазии и предложить самые абсурдные интерпретации наблюдаемого. Правда, они редко это делают после шокирующей встречи с муниципальной действительностью, поскольку начинают понимать, что, какое бы объяснение они ни предложили, действительные причины наблюдавшихся ими феноменов могут оказаться еще более абсурдными. У аналитических семинаров, помимо чисто научных задач по систематизации и первичному аналитическому обобщению наблюдений, есть еще и второстепенные задачи «просеивания» будущих хороших аналитиков и ученых. Естественно, что такой «просев» осуществляется в течение нескольких циклов таких семинаров.

Собственно полевое исследование — обычно это недельная экспедиция — представляет собой центральный технический компонент нашей работы. Мы специально выбираем для поездок со студентами муниципалитеты, удаленные от крупных областных и столичных городов. Дополнительными критериями выбора поля являются: небольшая численность населения (легче обзреть и выделить многие значимые виды активностей, поэтому в основном это малые города и села); древность города и обжитость местности (моногорода и поселки-временки с короткой историей представляют собой «перекошенный» материал, это общества-уродцы, а нас интересует норма общественной жизни, а не ее патологии). Только в условиях «перипатетического» обучения возможно самостоятельное наблюдение социальных феноменов, их каталогизация, систематизация, обобщение, возможно проведение методических и рабочих семинаров, а также знакомство с практикой муниципального управления.

Во время поездки перед студентами стоят две задачи: они должны наблюдать и описывать самые разные феномены местной жизни, а также наблюдать работу органов местной власти и принимать в ней участие (когда есть возможность). Здесь нет учебного цикла, работа идет непрерывно с утра до вечера, она очень интенсивна и требует существенно больше усилий, чем совокупность рутинных лекционно-семинарских циклов. Обучение здесь сращено с бытованием.

Задача подготовки исследователей решается как бы сама собой: в непосредственном и постоянном взаимодействии ученика с учителем. Здесь мы реализуем тот редко сейчас

практикуемый механизм индивидуализированного обучения, который заложен в основу подготовки аспирантов. По сути, наши самые активные студенты за два-четыре года обучения в специалитете и магистратуре проходят курс аспирантского обучения — в соответствующих формах и техниках. Из более сотни студентов, прошедших через лабораторию, «выделано» около 20 грамотных аналитиков и 5–7 будущих хороших ученых, что, считаем, немало.

Созданный учебно-методический комплекс также представляется нам новаторским. Он выполняет две двойственные функции: во-первых, знаниевую — обучает основам муниципального управления и дает совокупность знаний о провинциальной российской жизни, во-вторых, практическую — обучает практике управления и техникам социального научного исследования. Важно отметить, что, в отличие от классического цикла «лекции — семинары — практикумы», разработанный комплекс имеет нелинейную структуру, где лекции-дискуссии, составляя нижний уровень, связаны со всеми тремя видами семинаров, но методические и коллекторские семинары реализуются в полевых исследовательских практиках, а аналитические семинары, являясь научными дискуссиями, возвращают студентов к тому, с чего они начинали, — к проблематике вводных лекций-дискуссий.

Благодарности

Реализация проекта обучения в условиях реальной управленческой практики оказалась возможной благодаря включению кафедры местного самоуправления в 2006–2007 гг. в инновационную образовательную программу ГУ-ВШЭ «Формирование системы компетенций для инноваций в бизнесе и государственном управлении» и созданию лаборатории муниципального управления.

Значительная часть полевых исследований проведена при финансовой поддержке фонда «Хамовники» в 2006–2007 и 2009–2010 гг. и Института общественного проектирования, решением которого нам был предоставлен грант президента РФ на проведение социально значимых исследований организации муниципальной власти в 2009 г.

Проведение полевой исследовательской работы в описанных объемах и с привлечением столь большого числа студентов было бы невозможным без содействия Общероссийского конгресса муниципальных образований и его руководителей С.М. Киричука и В.Н. Панкращенко. Мы выражаем им искреннюю признательность за помощь в нашей учебной и исследовательской работе.

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
2. Глазычев В.Л. Глубинная Россия: 2000–2002. М.: Новое издательство, 2002.
3. Ковалев Е.М., Штейнберг И.Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос, 1999.
4. Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. М.: Европа, 2005.
5. Кордонский С.Г. Циклы деятельности и идеальные объекты. М.: Пантори, 2001.
6. Кордонский С.Г. Кристалл и кисель. М.: Три квадрата, 2002.
7. Малиновский Б. Научная теория культуры. М.: ОГИ, 2005.
8. Плюснин Ю.М. Эпистемология и стратегия научного поиска / Наука. Инновации. Образование. М.: РИЭПП, 2007. Вып. 2. С. 76–95.
9. Плюснин Ю.М., Кордонский С.Г., Скалон В.А. Муниципальная Россия: образ жизни и образ мыслей. Опыт феноменологического исследования. М: ЦПИ МСУ, 2009.
10. Шанин Т. Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни / Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос, 1999. С. 317–371.
11. Шюц А. Формирование понятия и теории в социальных науках / Шюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 1994. С. 51–68.